

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ  
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ  
ФГБОУ ВПО «АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»  
ФАКУЛЬТЕТ ПОЛИТИЧЕСКИХ НАУК  
КАФЕДРА РЕЛИГИОВЕДЕНИЯ  
И ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ  
ЛАБОРАТОРИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ  
И РЕЛИГИОВЕДЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

**МИРОВОЗЗРЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ  
ЮЖНОЙ СИБИРИ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ  
В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ**

**ВЫПУСК V**



Барнаул

---

Издательство Алтайского  
государственного университета  
2012

**УДК 29(571.1/.5) + 29 (1-952.3)**  
**ББК 86.29(253.7)я43 + 86.29(54)я43**  
**М64**

Ответственный редактор:  
доктор исторических наук *П.К. Дашковский*

Редакционная коллегия  
доктор исторических наук *Л.Н. Ермоленко*  
доктор культурологии *Л.С. Марсадолов*  
доктор исторических наук *Т.Д. Скрынникова*  
доктор исторических наук *О.М. Хомушко*  
доктор исторических наук *Л.И. Шерстова*  
доктор исторических наук *С.А. Яценко*

**М64** **Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе** : сборник статей / под ред. П.К. Дашковского. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2012. – Вып. V. – 294 с.: ил.  
ISBN 978-5-7904-1200-4

В сборнике представлены результаты изучения различных мировоззренческих систем народов, проживавших на территории Южной Сибири и Центральной Азии в древности, эпоху средневековья и в период этнографической современности. Ряд работ посвящен изучению религиозных верований и обрядов современных традиционных обществ, а также новым религиозным движениям.

Издание рассчитано на религиоведов, историков, археологов, этнографов, культурологов и всех интересующихся историей духовной культуры.

**УДК 29(571.1/.5) + 29 (1-952.3)**  
**ББК 86.29(253.7)я43 + 86.29(54)я43**

*Сборник подготовлен и издан при финансовой поддержке гранта РГНФ-МинОКН Монголии (проект №10-01-00535 а/Г «Влияние мировых конфессий и новых религиозных движений на традиционную культуру народов Российского и Монгольского Алтая»)*

ISBN 978-5-7904-1200-4

© Оформление. Изд-во Алтайского  
госуниверситета, 2012

## СОДЕРЖАНИЕ

<b>Предисловие</b> .....	<b>5</b>
<b>I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ МИРОВОЗЗРЕНИЯ ДРЕВНИХ И ТРАДИЦИОННЫХ ОБЩЕСТВ</b>	
<i>Горюнков С.В.</i> Метаязык мифов и матричный принцип .....	11
<i>Тимощук А.С.</i> Антиномии индоевропейской традиционной культуры .....	21
<b>II. РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОР В ИСТОРИИ ДРЕВНИХ И СРЕДНЕВЕКОВЫХ НАРОДОВ ЕВРАЗИИ</b>	
<i>Дашковский П.К.</i> Мироззрение кочевых народов Центральной Азии хунно-сяньбийского периода в отечественной историографии: проблемы, направления исследований, дискуссии .....	35
<i>Дробышев Ю.И.</i> Тэнгрианство и буддизм в средневековой Монголии .....	71
<i>Жамбалтарова Е.Д.</i> Обряды как иерархически организованные системы (анализ погребальных комплексов раннего неолита Забайкалья) .....	90
<i>Михайлов Ю.И.</i> Сакральная природа символов власти в синташтинской и семинско-турбинской традициях.....	104
<i>Руденко К.А.</i> Влияние ислама на традиционную культуру народов Волго-Камья в эпоху средневековья .....	113
<i>Сериков Ю.Б.</i> Краски и цвет в ритуалах древнего населения Урала.....	122
<b>III. САКРАЛЬНАЯ АРХИТЕКТУРА И ПАЛЕОАСТРОНОМИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ</b>	
<i>Головизнин М.В.</i> Эволюция «вятского архитектурного стиля» как отражение полиэтничности и поликонфессиональности Вятско-Камского междуречья .....	143
<i>Ларичев В.Е.</i> Святилище Второго Каменного острова Средней Ангары (реконструкция календарных систем эпохи неолита Прибайкалья и семантика зооморфных образов наскального искусства Восточной Сибири) .....	155
<i>Марсадолов Л.С., Паранина Г.Н.</i> Методика и методология комплексных исследований древних сакральных мегалитических объектов.....	166
<i>Паранина Г.Н.</i> Солярная культура Сибири: географические аспекты формирования и развития .....	183

**IV. ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ,  
ГОСУДАРСТВЕННО-ЦЕРКОВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ  
В ЦЕНТРАЛЬНО-АЗИАТСКОМ РЕГИОНЕ И РОССИИ**

<i>Бурнаков В.А.</i> Традиционные представления хакасов о собаке... 196	196
<i>Егорочкин М.В.</i> Охотничья артель, сказитель и промысловая магия текста в традиционном мировоззрении тюрков Южной Сибири..... 216	216
<i>Жанбосинова А.С.</i> Религиозная политика: ислам и советская власть ..... 240	240
<i>Магомедова М.З.</i> Исламская догматика и обрядность и их роль в становлении мусульманского образа жизни..... 251	251
<i>Сабиров Р.Т.</i> Глобальное и национальное в современном монгольском буддизме ..... 259	259
<i>Цаллагова З.Б.</i> Влияние православия на становление и развитие образования в Осетии..... 267	267
<i>Яданова К.В.</i> Предания о камнях богатыря Сартакпая..... 277	277
<b>Список сокращений.....</b>	<b>287</b>
<b>Сведения об авторах.....</b>	<b>289</b>

**Ю.И. Михайлов**

*Кемеровский государственный университет*

## **САКРАЛЬНАЯ ПРИРОДА СИМВОЛОВ ВЛАСТИ В СИНТАШТИНСКОЙ И СЕМИНСКО-ТУРБИНСКОЙ ТРАДИЦИЯХ**

Исследование всей суммы ритуальных действий, связанных с погребальным культом в синташтинской традиции, вызывает существенные трудности с учетом специфики источников. Это прежде всего касается степени сохранности погребальных комплексов и немногочисленности достоверных антропологических определений. Тем не менее синташтинские древности – тот весьма редкий случай, когда реконструктивные поиски с известными допущениями могут опираться на внушительный корпус индоиранских мифоритуальных текстов и, если брать шире, соответствующих текстов, восходящих к индоевропейскому культурному фонду. Основная проблема заключается в том, что исследователи, вольно или невольно, стремятся воссоздать взаимообусловленную систему обрядовой практики, которая бы соответствовала определенной традиции – индоиранской, индоарийской или древнеиранской. Следует признать, что на данном этапе изучения наши возможности весьма ограничены. По названной причине объектом исследования стали те предметы, которые традиционно рассматривают как символы власти.

**Каменные навершия булав.** В обобщающей публикации Д.В. Нелина дана классификация морфологических особенностей этой категории находок и их распределение в погребальных комплексах Южного Зауралья и Северного Казахстана с учетом антропологических данных. Навершия булав разделены исследователем на три типа: округлые в плане, крестовидные и шестиконечные без отверстия для насаживания на рукоять (Нелин Д.В., 1995, с. 132). Среди учтенных случаев особый интерес представляет шестиконечное навершие булавы, обнаруженное в яме – тайнике могилы 8 синташтинского могильника Каменный Амбар-5. В этом захоронении мужчины, женщины и двух детей обнаружено еще одно навершие булавы округлой в плане формы, а среди других предметов сопроводительного инвентаря – три роговых псалия и одна роговая имитация этой детали конской упряжи (Костюков В.П. и др., 1995, с. 164, рис. 23.-1, 2).

Помещение в тайник булавы шестиконечной формы, – вероятно, магический прием, который заслуживает самого пристально-

го рассмотрения, но не менее важно то, что данное изделие не имеет отверстия для рукояти. Исследователи, стремясь установить сакральную природу каменных наверший, ориентируются на их морфологические особенности. На наш взгляд, исходной посылкой для последующих реконструкций должна быть технология изготовления, которая позволяет рассматривать булавы в одном контексте с каменными сверлеными топорами и молотками. Перечисленные категории каменных изделий гораздо древнее выразительных образцов синташтинского металлокомплекса. Поэтому символика булав в синташтинской традиции продолжала сакральные представления предшествующего времени.

Булавы, по сводке Д.В. Нелина (1995, с. 135), только в трех из 15 случаев связаны с колесничными погребениями. Однако это, на наш взгляд, свидетельствует лишь о том, что в новых исторических условиях их исходная значимость оказалась «в тени» престижного статуса металлических изделий. Данная ситуация логичнее всего объясняется тем, что каменные топоры, стрелы и булавы не могли конкурировать с более эффективным бронзовым оружием. Тем не менее, частично уступив позиции в сфере воинской символики, каменные навершия, вероятно, сохранили свою связь с культом плодородия. Именно этим объясняются их находки в парных погребениях мужчин и женщин. Кроме того, этнографические данные свидетельствуют о существовании запретов на использование металла для изготовления сакральных объектов, связанных с практикой жертвоприношений (Никулина Н.М., 1999, с. 221). Возможно, древняя фаллическая символика каменных жезлов и наверший в рамках инициаций и семейно-брачных ритуалов также оказалась достаточно устойчивой и в новых культурно-исторических условиях.

Вместе с тем этот исходный символизм каменных наверший был включен в рамки новой «металлургической» сакральности. Согласно существующему мнению, занятия металлургией и металлообработкой, как формы специфической магии, практиковались у синташтинцев определенными семейными кланами (Виноградов Н.Б., 2004, с. 279). В могильнике СIII (здесь и далее даются сокращенные названия могильников по указанной публикации) шарообразное каменное навершие булавы было найдено вместе с соплами и медными литниками (Генинг В.Ф. и др., 1992, с. 337–338). В культурно-родственном комплексе из могильника СII рядом с навершием булавы находились серебряный наконечник («нагруд-

ник» – у авторов публикации) и бронзовый наконечник копья (Генинг В.Ф. и др., 1992, с. 318). Подобное серебряное украшение было обнаружено еще в одном женском погребении (СМ), где находился ритуальный комплект: крупный кристалл хрусталя и два крупных осколка этого минерала, медная пластинка и литник (Генинг В.Ф. и др., 1992, с. 190–191). В контексте культурно-генетических соответствий весьма показательны алакульские материалы: хрустальное навершие булавы в погребении Кизильского могильника (Стоколос В.С., Стоколос Г.И., 2004, с. 255) и медная бочонковидная булава в неординарном погребальном комплексе Алакульского могильника (Сальников К.В., 1952, с. 58).

Сакральная связь хрусталя и металла достаточно отчетливо прослеживается в синташтинской культурной традиции, и к уже указанным фактам могут быть добавлены следующие свидетельства. В некрополе Каменный Амбар-5 вместе с мелкими металлическими изделиями и двумя кусочками медной руды (малахит с азурином и отоженный малахит) был обнаружен обломок кристалла горного хрусталя (Костюков В.П. и др., 1995, с. 156). В синташтинском горизонте А (жилище 3) укрепленного городища Аландское были найдены кусочки азурита, медная проволока и обломки кристаллов горного хрусталя (Зданович Г.Б. и др., 2007, с. 106). Существенно то, что в синташтинских комплексах хрусталь обнаружен вместе с металлургическим сырьем и продуктами металлообработки в погребениях женщин и детей. Данная особенность погребального культа находит свое продолжение и в алакульской традиции. В раннеалакульском погребальном комплексе могильника Чистолебяжье (курган №6 мог. 3) женщина 25–30 лет была помещена в могилу совместно с юношей 16 лет и ребенком 7–8 лет. Среди предметов сопроводительного инвентаря был обнаружен кусок горного хрусталя (Могильников В.А., 1984, с. 34; Матвеев А.В., 1998, с. 52). Половозрастной состав погребенных в синташтинских и алакульских могилах позволяет предположить, что орудия металлообработки, руда и хрусталь были символически связаны с универсальным идейным комплексом «смерть – рождение» в его исторически новом культурном оформлении.

В контексте приведенных свидетельств может быть реконструирована и специальная символика наверший из хрусталя и металла. Граненая форма, несомненно, усиливала блеск изделия из Алакульского могильника. Соответственно хрустальное навершие

из Кизильского могильника обладало в глазах владельца особой сакральной мощью благодаря преломлению солнечных лучей. Показательно, что кристалл горного хрусталя был обнаружен перед глазами умершего в синташтинском погребении Больше-Караганского могильника (Зайков В.В., 1995). На наш взгляд, блеск демонстрировал сакральную силу намерший и одновременно подчеркивал их престижный характер.

Сходный культурный контекст Н.М. Никулина реконструировала для ритуальных топоров – молотов из Троянского клада L. Цвет и блеск изделий из полированного материала (нефритоид, нефрит и метаморфная порода с включениями лазурита) она проанализировала в контексте общей символики нефрита, лазурита и хрусталя. Из хрусталя были изготовлены шесть намерший, обнаруженных в составе этого клада. По изяществу пропорций и мастерству обработки камня она сопоставила изделия из Трои с топорами из Бессарабского (Бородинского) клада (Никулина Н.М., 1999, с. 221, 222, 224). В составе этого клада обнаружены три намерший булавы (в том числе крестовидное), полированные до зеркального блеска нефритовые топоры и серебряные наконечники копий, инкрустированные листовым золотом (Попова Т.Б., 1987). Последние, вероятно, восходят к сейминско-турбинским прототипам. В связи с этим отметим, что в захоронении ребенка (мог. 2) некрополя Ростовка обнаружены бусы из нефрита и лазурита, также кристалл горного хрусталя. Эти украшения были обнаружены вместе с престижным изделием – бронзовый нож, рукоять которого украшает сцена с упряжным конем и лыжником. Еще один кристалл горного хрусталя был помещен вместе с литейными формами рядом с могилой 21, где исследовано парное захоронение (Матющенко В.И., Синицина Г.В., 1988, с. 7, 8, 30, 31).

Распространение престижных изделий из металла в синташтинских, алакульских, сейминско-турбинских и хронологически близких к ним комплексах повлияло на выбор престижного сырья для намерший булавы. Сохраняя древнюю сакральную символику, связанную с культом плодородия, намерший из хрусталя и металла стали символами привилегированного положения владельцев, знаками не только социального, но и, вероятно, имущественного превосходства.

**Наконечники копий** традиционно рассматриваются не только как оружие, но и в качестве символов власти (Березанская С.С. и др., 1986; Малов Н.М., 1999; Михайлов Ю.И., 2003). Отметим лишь одну



весьма существенную ритуальную особенность. В некоторых случаях наконечники копий занимают особое «изолированное» положение по отношению к остальным предметам сопроводительного инвентаря: ниша – тайник в стенке могилы, под ободом колеса, на перекрытии или в заполнении могильной ямы. Они втыкались горизонтально в стенку или вертикально в дно могильной ямы. Так, например, в погребении 30 могильника СМ под костями коня обнаружен тайник – засыпанная глиной ямка, где находился наконечник копья. В погребении 18 этого же могильника наконечник копья, точильный брусок, тушу коня и сосуды (малые внутри большого) поместили на перекрытии могильной ямы (Генинг В.Ф. и др., 1992, с. 177, 178, 208). В скоплениях вещей на территории некрополя Ростовка бронзовые наконечники копий и кельты были воткнуты вертикально лезвием вниз (Матющенко В.И., Сеницина Г.В., 1988, с. 16, 31, 43).

Согласно специальным исследованиям, известно, что в древних сообществах распределение функций внутри элиты касалось прежде всего репродуктивной сферы. Это не могло не найти отражения в сакральной атрибутике, символика которой отражала различные аспекты общественной практики. Показательным примером являются наконечники копий в женских погребениях II тыс. до н.э. (Михайлов Ю.И., 2003, с. 40–42). Данная категория изделий в женских комплексах, помимо высокого социального статуса, могла указывать и на причастность женщин к воинской ритуальной практике. Во всяком случае, если предполагать их участие в обрядах инициаций. Этнография дает немало примеров, когда обретению нового общественного статуса предшествовала символическая смена пола. П. Видал-Накэ (2001, с. 145) высказал по этому поводу предположение о том, что в Афинах, Спарте и на Крите «переход от детства к зрелому возрасту, возрасту войны и брака, драматизировался как в ритуале, так и в мифе с помощью закона, который можно было бы назвать законом симметричной инверсии».

Мы не располагаем достоверными данными о существовании в синташтинской традиции обрядов, связанных с символическим изменением пола, тем не менее существующие наблюдения указывают на пересечение мужской и женской символики в ритуальной практике. В погребении 6 некрополя СМ с умершим обнаружен, по мнению исследователей, смешанный набор сопроводительного инвентаря. «Судя по ожерелью из бус и бисера, это могла быть женщина, но остальной инвентарь здесь, скорее, мужской: за спиной

были помещены два бронзовых ножа, шильце, тесло, каменная булава и два шлифовальных камня» (Генинг В.Ф. и др., 1992, с. 140). В погребения 7 из СII с мужчиной, помещенным у стенки камеры, находился колчан со стрелами, а в центре могилы был обнаружен предметный комплекс, включавший каменное навершие булав, наконечник копья и серебряный наконечник (Генинг В.Ф. и др., 1992, с. 324). Подобные металлические наконечники известны не только в Южном Зауралье, но и в петровских и нуртайских комплексах Северного и Центральном Казахстана (Ткачев В.В., 1998, с. 41).

По нашему мнению, комплексы, включавшие навершия, копья и женские украшения, наглядно воплощали женский аспект власти и символизировали ее биологическое продолжение. Наконечники копий и кельты, воткнутые вертикально, символизировали акт возрождения. В этом отношении весьма показательны уже упоминавшиеся вещевые комплексы некрополя Ростовка. Так, например, в могиле 33, где была погребена женщина 20–25 лет, обнаружен воткнутый вертикально вильчатый наконечник копья. Кроме того, там находились костяные «латы» (Матющенко В.И., Синицина Г.В., 1988, с. 47). Расположенные рядом с могилами или в пределах погребального пространства копья, кельты и литейные формы, вероятно, являлись приношениями божеству, функционально связанному с воинской практикой и металлургией. Это предположение может быть развернуто в рамках типологических сопоставлений. В «Записках о галльской войне» Юлий Цезарь сообщает о галльском Марсе и жертвоприношениях этому божеству войны – кучах предметов, которые хранились в освященных местах. Кроме того, в кратком описании галльского пантеона у него фигурирует и единственное женское божество Минерва, которая учит начаткам ремесел и искусств (VI. 17). М.Л. Сжостед предположила, что функцию покровительницы искусств и ремесел могла получить одна из богинь – Матерей. По мнению К. Жюллиана, галльская «Минерва» была еще и божеством войны (Широкова Н.С., 2003, с. 312–331). Ф. Леру и К.-Ж. Гюйонварк считают, что ирландским соответствием галльской «Минервы» является Бригита – мать поэтов, жрецов, ремесленников и древнейших богов. Она воплощение Власти как «королева» и представляет женский аспект воинской и жреческой власти. По этой причине воинская инициация осуществлялась при помощи королей (Леру Ф., Гюйонварк К.-Ж., 2001, с. 165–167). В глоссарии Кормака описываются три Бригиты, одна из которых

покровительствует кузнечному делу. Троичность кельтских богинь представляет собой более поздний вариант организации пантеона по сравнению с локальными культами богинь – Матерей (Калыгин В.П., 2008, с. 122, 123). Нам представляется, что приведенные наблюдения обнаруживают не только содержательное, но и прежде всего типологическое сходство с сибирскими материалами.

Находки копий, наверхий булавы и литейных форм в женских захоронениях эпохи бронзы позволяют предполагать, что в синташтинской и сейминско-турбинской традициях был представлен образ женского божества, функционально связанного с военной сферой и металлургией. В исходной ипостаси это подательница плодородия, одна из богинь – Матерей, которая в новых культурно-исторических условиях была наделена соответствующими функциями. В лесостепной зоне Западной Сибири в эпоху бронзы индоевропейские представления о богине – Матери, вероятно, наслонились на местный культ женских существ – покровительниц природных локусов. Саму возможность подобной контаминации демонстрирует нож из Ростовки с фигурками лыжника и упряжного коня. В данном случае индоевропейская культурная новация – запряженный конь – причудливо соединилась с исконным образом лыжника. Соединение культа хозяек природных локусов с образом богини – Матери демонстрирует окуневская традиция. Иконографическое разнообразие антропоморфных личин, их множественность в композициях при наличии общих черт стали следствием соединения образов «хозяек» с более определенным обликом богини – Матери. Вероятно, трехчастное деление личин и три глаза – именно тот случай, когда троичность индексирует множественность, свернутую в едином образе (Михайлов Ю.И., 2009, с. 45).

О превращении архаического образа покровительницы ландшафтных объектов и их обитателей в более специализированный образ женского божества – покровительницы богатства – свидетельствуют североамериканские материалы. В мифологических представлениях хайда этот персонаж наделен медными руками, а его атрибутом является медный передник. У тлинкитов женское божество с медными когтями носит медные пластины и накидку из куниц (Аверкиева Ю.П., 1959, с. 78). Кунья накидка, медные когти и пластины – атрибуты архаичной «хозяйки животных», мифологический образ которой продолжает жить в новых культурно-исторических условиях. Возможно, свою брововую шубу древнеиран-

ская Ардвисура Анахита – богиня вод и плодородия, покровительница царей и героев, унаследовала от одной из таких «хозяек». От Кольского полуострова до крайних пределов Восточной Сибири зафиксированы предания о прародительнице кузнецов (Пелих Г.И., 1980, с. 42, 43). Весьма возможно, что начальная фаза сложения этого женского образа приходится на время бытования сейминско-турбинских комплексов, которые демонстрируют высокий уровень металлургии и металлообработки.

Для того чтобы определить направленность миграции мифологических представлений и сам характер взаимодействия различных традиций, необходимо охарактеризовать историко-культурную ситуацию в целом. Нам представляется продуктивным уже апробированный подход. С.Ю. Неклюдов (1981, с. 185) исследовал проблему религиозно-мифологических взаимосвязей тюркских и монгольских народов в рамках противопоставления «степных» (скотоводческих, связанных с раннефеодальными и феодальными государствами Центральной Азии) и «лесных» (охотничьих, в основном южносибирских, базирующихся на родоплеменной идеологии) культур. Культурная ситуация, которая складывалась в период бытования синташтинских и сейминско-турбинских древностей, вполне может быть определена исходя из этого сопоставления, на основании типологического сходства. С одной стороны, традиции «колесничных культур», с развитым скотоводческим хозяйством и сложной архитектурой поселенческих комплексов; с другой – традиции юга Западной Сибири, в которых еще весьма широко представлено культурное наследие неолитического времени.

### **Библиографический список**

Аверкиева Ю.П. К истории металлургии у индейцев Северной Америки // СЭ. 1959. №2. С. 61–79.

Березанская С.С., Отрощенко В.В., Чередниченко Н.Н., Шарфутдинова И.Н. Культуры эпохи бронзы на территории Украины. Киев, 1986. 140 с.

Видадь-Наке П. Черный охотник. М., 2001. 419 с.

Виноградов Н.Б. Синташтинские и петровские древности Южного Урала. Проблема соотношения и интерпретации // Памятники археологии и древнего искусства Евразии. М., 2004. С. 261–284.

Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В. Синташта. Челябинск, 1992. Ч. 1. 408 с.

Епимахов А.В. Южное Зауралье в эпоху средней бронзы. Челябинск, 2002. 170 с.

Зайков В.В. Минерально-сырьевая база памятников эпохи бронзы на Южном Урале («страна городов») // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Челябинск, 1995. Ч. V, кн. 2. С. 147–151.

Зданович Г.Б., Малютина Т.С., Зданович Д.Г. Материалы к исследованию ранних этапов синташтинской культуры (укрепленное поселение Аландское) // Проблемы археологии Урала и Западной Сибири (к 70-летию Т.М. Потемкиной). Курган, 2007. С. 103–108.

Калыгин В.П. Ирландская Бригита и галльская Бригантия // Мифологема женщины – судьбы у древних кельтов и германцев. М., 2008. С. 118–130.

Костюков В.П., Епимахов А.В., Нелин Д.В. Новый памятник средней бронзы в Южном Зауралье // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н.э.). Самара, 1995. С. 156–207.

Леру Ф., Гюйонварк К.-Ж. Кельтская цивилизация. СПб.; М., 2001. 271 с.

Малов Н.М. Копья – знаки архаических лидеров покровской культуры // // Комплексные общества Центральной Евразии в III–I тыс. до н.э. Челябинск; Аркаим, 1999. С. 240–250.

Матвеев А.В. Первые андроновцы в лесах Зауралья. Новосибирск, 1998. 417 с.

Матющенко В.И., Синицина Г.В. Могильник у деревни Ростовка вблизи Омска. Томск, 1988. 136 с.

Михайлов Ю.И. Женские погребения с оружием в евразийских комплексах эпохи бронзы и раннего железного века // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. Т. 2, вып. 3: Археология и этнография. Новосибирск, 2003. С. 40–43.

Михайлов Ю.И. Образцы художественного творчества и престижные предметы в детских и женских погребениях эпохи бронзы юга Западной Сибири // «Номо Eurasicus» у врат искусства. СПб., 2009. С. 38–50.

Могильников В.А. Курганы Чистолебяжье // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1984. С. 27–37.

Неклюдов С.Ю. Мифология тюркских и монгольских народов. Тюркологический сборник–1977. М., 1981. С. 183–202.

Нелин Д.В. Погребения эпохи бронзы с булавами в Южном Зауралье и Северном Казахстане // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Челябинск, 1995. Ч. V, кн. 1. С. 132–135.

Никулина Н.М. Ритуальные молоты-топоры из троянскогоклада L // ВДИ. 1999. №2. С. 218–228.

Пелих Г.И. Материалы по селькупскому шаманству // Этнография народов Северной Азии. Новосибирск, 1980. С. 5–70.

Попова Т.Б. Бородинский клад. М., 1987. 34 с.

Сальников К.В. Курганы на оз. Алакуль // МИА. 1952. №24. С. 51–71.

Стоколос В.С., Стоколос В.И. Кизильский курганный могильник эпохи поздней бронзы на реке Урал // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. Сер. 1: Исторические науки. Челябинск, 2004. С. 237–256.

Ткачев В.В. К проблеме происхождения петровской культуры // Археологические памятники Оребуржья. Оренбург, 1998. Вып. II. 160 с.

Широкова Н.С. Культ богинь – Матерей у древних кельтов // Проблемы античной истории. СПб., 2003. С. 112–333.

**К.А. Руденко**

*Государственный университет культуры и искусств, Казань*

## **ВЛИЯНИЕ ИСЛАМА НА ТРАДИЦИОННУЮ КУЛЬТУРУ НАРОДОВ ВОЛГО-КАМЬЯ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ**

Эпоха средневековья для народов Поволжья и Прикамья оказалась связанной с сильнейшим влиянием монотеистических религий на традиционную культуру и верования. Это было обусловлено в первую очередь существованием с X в. на Средней Волге государства Волжской Булгарии, где государственной религией был ислам. Влияние мусульманской культуры было преобладающим до середины XVI в., когда после казанских походов Ивана IV Среднее Поволжье было присоединено к Московскому государству, а воздействие христианства стало определяющим в государственной религиозной политике.

Однако столь строгое разграничение, по сути, будет неверным. Христианство распространялось и в Булгарии практически с момента образования болгарского государства. Это было связано как с населением христианского вероисповедания, жившим среди болгар, так и с христианскими миссионерами. По данным письменных источников, известны христианские храмы в крупных болгарских городах в XII–XIII вв. Так, канонизированный православной церковью Авраамий Болгарский, убитый после проповеди и религиозного диспута в Великом городе (вероятно, Биляре) в начале XIII в., был сначала похоронен здесь же, на христианском кладбище, а затем, по просьбе Великого князя Владимирского, его мощи были перенесены во Владимир.